

НАША СТРАНА

Год издания 67-й. Буэнос Айрес, 5 сентября 2015

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, sábado 5 de setiembre de 2015 No. 3020

РУССКИЕ

Павлу Васильеву (Москва. РИС-О)

*Мы – не боги и не гиганты,
Просто очень нетолерантны.
Не джедаи, не супермены,
Но донельзя несовременны.*

*Праву гендерному не рады,
В этом мире, больном и сиром.
Мы не ходим на гей-парады,
А готовимся в кирасиры.*

*В круговерти столичных буден,
Где протравлен дымом зенит,
Мы навечно такими будем,
Никому нас не изменить.*

*Мегалополиса злобны недра
И ветра автострад угарны.
Мы идём меж торговых центров
В старых формах полков ударных.*

*И средь взглядов косых безверия,
Средь хай-тековского стекла,
Нарождающейся империи
Пробиваются купола.*

*Мы – народ «из до нашей эры»:
Любим женщин и верим в Бога,
В вашем «равенстве» зрим химеры
И ИГИЛа страшней немного.*

*Небывалой имперской ратью
Наш таврический, царский скиф
Пролетает над демократией,
Электроннику отрубив. *)*

*Мир, не знающий, куда катится,
Предпочёл бы одеть нас в
платица.
И содеять себе подобными,
кукловодам своим удобными.*

*Но на сталь, горностаи, порфиру
И на промысел грозный Божий,
По смятенному мнению мира,
Всё отчётливей мы похожи.*

АНТОН ВАСИЛЬЕВ

15.06. 2015

*)Случай над Чёрным морем, когда русский “Су-24”, включив над эсминцем ВМС США “Дональд Кук” особый генератор, заставил всю электронику корабля отключиться.

Миссия русской эмиграции в оценке XXI века

Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие улавливаются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них. (Ек. 9, 11-12)

Да, это о духе нашего времени, который искажает всё, что он отражает. Именно о нём наша речь. А беседа о миссии русской эмиграции, которая состоялась на одной из радиостанций, всего лишь, объект, позволяющий увидеть дух, искажающий всё, что он отражает. И особенно ярко этот дух, всё искажающий, выразителен в этой беседе потому, что участвовали в ней трое священников и “писатель, публицист, историк, общественный деятель, человек, который уже многие годы находится на острие меча происходящих событий”.

Суть всей беседы такова: «Так я теперь оцениваю и миссию русской эмиграции: ей не удалось осуществить своих планов и надежд на возрождение России после падения коммунизма. Но она выполнила для своего народа роль передового дозора нации для понимания мировой расстановки сил и смысла истории. И, конечно, роли и места России в этом процессе. Это главным образом заслуга Русской Зарубежной Церкви».

И что из этой тирады мы заключаем? А только одно, что вся эта беседа трёх священников и писателя, публициста, историка, общественного деятеля, человека, который уже многие годы находится на острие меча происходящих событий... одно сплошное **резонерство**, сродни, а, может быть, даже превосходящее резонерство Московской Патриархии.

Ибо сами-то русские эмигранты, и, прежде всего духоносные отцы Русской Православной Зарубежной Церкви, видели свою миссию не в политиковании её, как её представили нынешние знатоки русской эмиграции: «Такая православная политика, с моей точки зрения, не может мешать восприятию духовного наследия Зарубежной Церкви, наоборот: может помочь этому. Вот только, к сожалению, у наших современных патриотических политиков часто не хватает целостного исторического, идеологического и духовного образования, и потому они в большинстве своем не способны к историософскому анализу и ставят себе иллюзорные, утопические цели. И их духовные наставники (“старцы”)тоже”.

«Целостное историческое, идеологическое и духовное образование, историософский анализ» - ничего пассажиж? Вот, руководствуясь некой православной политикой и рассуждали наши радиособеседники о миссии русской эмиграции.

А Федор то Михайлович: «Говорят русский человек не знает Евангелия? Это так. А Христа он знает и носит в своем сердце». Не стремление ли сохранить, сколько возможно, русское сердце было миссией то Русской Эмиграции? Ибо, читаем: «Господь к каждому обращается лично

и каждого исцеляет лично, и каждого обращает к себе. Об этом подумаем. А молиться “Господи, спаси Россию!” - это же просто бессмыслица. Да, красивая фраза, попробуй что-нибудь против - тебя заклюют, а то и камнями побьют ещё» (Митрополит Виталий)

Так, отцы Русской Зарубежной Церкви, а, следовательно, и истинной Русской Эмиграции, раз речь идёт о её миссии, а не о поведении тех или иных её периодов, оценивали, как видим, совсем с другой колокольни.

XXI же век требует мнение «наших современных патриотических политиков, способных к историософскому анализу», ибо у XXI-го века фундамент... знания. Почему знания? Да, потому что знание надмевает (1 Кор. 8.1), а это для ада первое дело.

То есть, если отцы РПЦЗ Русскую Эмиграцию оценивали, как ультра духовную, то, естественно, не в дозоре нации для понимания мировой расстановки сил и смысла истории и места России в этом процессе видели они свою миссию, а, в сколько возможно, в сохранении Идеала Святой Руси - Царство Небесное и проповеди пути к этому Царству. Но пусть об этом поведает сам первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Виталий, с уходом которого и завершилась и миссия Русской Эмиграции, да и сама русская эмиграция:

“Святой Апостол Павел преподавал нам свое духовное завещание словами: «всегда радуйтесь, за все благодарите Бога и непрестанно молитесь». Нашим умом это почти невозможно, он скоро устаёт, но мы обладаем другой силой «сердечной» о которой Церковь Христова непрестанно молится словами: «сердце чисто созижди во мне, Боже, и Дух прав обнови во утробе моей». Этого дара сердечной молитвы я всем вам желаю, ибо большего желания вам - не знаю”.

Так, в сравнении двух взглядов на Русскую Эмиграцию легко увидеть, как улавливаются даже лучшие священники вместе с писателями, публицистами, историками, общественными деятелями, людьми, которые многие годы находятся на острие меча происходящих событий, в наше бедственное время, неожиданно нашедшее на нас.

И интенсивная греховность, вызванная этим временем, требует от пастырства такую же интенсивную деятельность (Митрополит Виталий).

Но XXI век требует от пастырей совсем не проповеди сердечной молитвы, а резонерства, и вернуться от этого требования духа времени способны сегодня лишь немногие.

Вот и с Миссией Русской Эмиграции. Какова же она эта миссия?

А если теперь мы знаем только отчасти? Если видим как бы сказать тусклое стекло, гадательно (1 Кор. 13. 9-12), то в состоянии ли, даже находясь на острие меча происходящих событий, познать совершенное?

Вадим Виноградов

СПАСИТЕ РОВС ОТ ПОЗОРА!

Обращение к Почётному Председателю Русского Обще-Воинского Союза Я. Л. Михееву

Глубокоуважаемый Ярополк Леонидович. Мы прочли Вашу заметку в газете «Наша Страна» и обращаемся к Вам как к Почётному Председателю Русского Обще-Воинского Союза со словами безмерного переживания и последней надеждой на помощь.

Мы, это бывшие чины и члены Союза, различного статуса, возраста и мест проживания, кто добровольно или по принуждению покинул РОВС во время правления его нового председателя. Речь идет о спасении от позора старейшей антибольшевицкой организации, созданной генералом П. Н. Врангелем.

«Я, с сего, 19-го февраля 2004 г. – звучал Приказ № 36 Игоря Иванова-Лискина, - вступил в должность Председателя Союза».

Вы, в сообщении от 20-го февраля того года, просили нас поддержать его, «отозваться на его призыв, активно включиться, по мере сил, возможностей и способностям и помочь ему в работе». Помогли. От берегов Чёрного моря до Тихого океана Русский Обще-Воинский Союз пополнился активными и дееспособными людьми со своими секторами ответственности.

Однако, Приказ от 7.10.2007 года о назначении на генеральскую должность неизвестного учителя А. Терзова, вызвал шок. Работа новоявленного «подпоручика» началась с предъявления ему отчетов о проделанной работе, перспективных планов работ на квартал, полугодье, каких-то обзоров политической ситуации и т. п. «Не пойдём на поклон Красному зверю, будем Белыми до конца!» - взывал он в «Нашей Стране» № 2795 против сращения МП с РПЦЗ. Сегодня он служит помощником благочинного МП, где ему тепло и уютно. <http://zarpressa.ru/news/narodnyy-korrespondent/glavnoe-zhit-interesami-detey/>

Реакция на наши предложения, замечания была однозначной – не нравятся - выходите. Выходили.

Вышли те, кто добился многого в жизни: войсковой старшина Всевеликого Войска Донского в Зарубежье (производства Н.В. Федорова) Ю. Шмелев с сыновьями, С. Волков – доктор наук, автор работ по Белому Движению, профессор А. Арапов и другие.

Полностью или частично покинули РОВС отделения в Кирове, Екатеринбурге, Воронеже, в Прикамье. Прощальным аккордом прозвучал уход корпусника Георгия Владимировича Назимова. Продолжать можно долго.

Попав в вотчину Иванова-Лискина и Терзова, РОВС буквально за несколько лет был нивелирован, сведен «на нет» и с позором превращён в то, чего не удалось сделать ни НКВД, ни КГБ за 80 лет!

Но подлинным испытанием на верность, исповедуемым перед соратниками и общественностью идеалам, послужили события на Украине. Долго руководство РОВСа оставалось в роли постороннего наблюдателя, несмотря на поток тревожной информации, в том числе и от чинов 2-го Отдела. Это вероятно и послужило одной из причин последующего раскола всего Союза.

Между тем, в феврале 2014 года появилась достаточно известная концепция «Третьего пути» (ос-

вещённая в Интернете и в газете «Наша Страна»). Это был один из немногих моментов, который сплотил оставшихся на тот момент в рядах Русского Обще-Воинского Союза чинов в России и за рубежом, потомков Белой Эмиграции, представителей патриотически настроенной общественности.

Поэтому, последовавшее за тем присоединение Крыма, начало военных действий на Востоке Украины, рассматривалось исключительно с этих позиций и, поначалу, решения принимались в соответствии с этой концепцией.

Несмыслаемым красным пятном лёг на Русский Обще-Воинский Союз Приказ от 1.6.2014 о воинской мобилизации. Под лозунгами туманного «русского возрождения», эти «продолжатели» сознательно или по своему недомумию, но втянули чинов в братоубийственную войну, становясь тем самым под знамена тех, кто с 1917 года разрушал наше Отечество.

ЧЕКИСТСКИЙ ХОЛУЙ

В блоге Русского Обще-Воинского Союза «Перекличка» 16-го августа появилось интервью со «Стрелковым»-Гиркиным. Обратим внимание на следующий пассаж: <http://pereklichka.livejournal.com/564280.html> «Ведь не секрет, что после 1917 года всё, что относилось к русской национальной идеологии, идеологии русского народа, всё было отнесено сначала к великорусскому шовинизму и жесточайшим образом преследовалось, потом замалчивалось длительное время. После его смерти начался откат снова в сторону полного пролетарского интернационализма».

Я прочитал и подумал: о какой смерти идет речь? Поискав, я нашёл оригинальное интервью, где сказано следующее: <http://mir-politika.ru/19451-ideya-novorossii-eto-ideya-obnovleniya-vsego-rossijskogo-obschestva.html> «Ведь не секрет, что после 1917 года всё, что относилось к русской национальной идеологии, идеологии русского народа, всё было отнесено сначала к великорусскому шовинизму и жесточайшим образом

преследовалось, потом замалчивалось длительное время, на короткое время было возрождение во время Великой Отечественной Войны, когда Сталин поднимал тосты за великий русский народ, когда обращался «братья и сестры». После его смерти начался откат снова в сторону полного пролетарского интернационализма».

Обратим внимание, как наши «РОВСовские» поклонники чекистов стыдливо убрали хвалу Иосифу Сталину из слов их кумира «Стрелкова».

Что же ожидать, когда они сами воевали под серпом и молотом в Славянске, о чём они по дурости своей (хотя долго скрывали) тоже объявили на блоге «Переклички» (см. последние минуты видео, где постоянно виден их красный флаг с серпом и молотом): <http://pereklichka.livejournal.com/533644.html>

Вот и всё: какие еще могут быть вопросы? Игорь Иванов-Лискин - чекистский холуй.

Думаю, что ивановскую организацию надо называть не РОВС, а РОЧС (Российский Обще-Чекистский Союз).

Д. Карамышев

«Отступление ополчения во главе с Игорем Стрелковым, - писал Терзов, - было настолько успешным, что его сразу приравняли к успешной эва-куации Белой армии из Крыма». На вопрос - кто приравнял операцию полковника ФСБ к Барону П. Н. Врангелю, начальник 1-го Отдела Терзов умолчал. Между тем, с размахом, без разбора, замполитом «Новороссии» раздавались чины и награды Императорской армии, а орган связи «Перекличка» был превращён в сайт Стрелкова-Гиркина.

Мы сегодня видим, как РОВС вытирает ноги о тех, кто кровью задувал мировой пожар в 1917-1945 годах. Как в угоду сотруднику ФСБ, Иванов-Лискин и его компания, железным, тяжелым катком прошлись по тем, кто честно следовал Положению Русского Обще-Воинского Союза 1958, 2004 годов, кто оставался верен корпусникам и своей совести, - чем окончательно обесчестили себя в глазах вышедших из Союза. Его ряды теперь пополняются немудрящими студентами, наемниками из «Новороссии» и весьма далёкими от Белого Дела людьми.

Приведенные факты со всей убедительностью свидетельствуют о смене вех его руководства. Разум и сердце с трудом воспринимают эту явь, но на смех врагам, как Атлантида погрузилось в ледяные волны истории то, что гордо называлось когда-то «Русский Обще-Воинский Союз» и восторжествовало то, к чему так долго шли власть имущие.

В 1920 году генерал Врангель спас Русскую Армию. В 2000 году Вы спасли РОВС от закрытия, в 2015 году пришло время снова спасти его от позора, бесчестия и предательства заветов его вождей.

Коленопреклоненно просим Вас, глубокоуважаемый Ярополк Леонидович, не оставить без внимания это послание и поддержать нас в деле закрытия Русского Обще-Воинского Союза, да-бы никогда больше имя его не звучало из уст упомянутых кукловодов. Честь имеем.

От Редакции: Имена подписавших сие обращение нам известны, но мы их не публикуем, дабы не поставить людей под удар чекиста Стрелкова.

ВОСПОМИНАНИЯ О «МИЛОСЕРДНОМ САМАРЯНИНЕ»

Кончилась война. Мы добрались до Мюнхена, поселились в пустом доме, где ещё были русские, и постарались забыть все ужасы пережитого. Переполненные поезда, ночёвки на грязном полу на вокзалах, где нас заносило снегом, так как ни дверей, ни окон не было. Обстрелы поездов, бомбардировки, всё это, слава Богу, уже позади и надо начинать мирную жизнь. Нам с подругой очень хотелось снова стать нормальными 13-летними девочками. Ходить в гимназию, дома учить уроки, словом войти снова в свой возраст.

Нас было довольно много, таких русских детей и подростков, выброшенных с насиженных мест, потерявших родных (мой папа погиб в Сербии в рядах Русского Корпуса) и об этом подумал энергичный о. Александр Киселев и его помощник – директор П. Д. Ильинский. Они получили от американских властей разрешение занять четырехэтажный дом и привести его в порядок. Протекала крыша, были груды мусора, но о. Александр не остановился перед трудностями. И вот, в этой груды мусора была найдена иконка Св. Серафима Саровского и немного денег.

Конечно, о. Александр сразу отслужил молебен Преподобному Серафиму, а в дальнейшем на первом этаже была устроена церковь в честь этого святого. И вот дом на Mauerkirchenstrasse 5 начал жить. Назван он был «Милосердный Самарянин». Что только в этом доме не было! Во-первых, конечно, школа по утрам и гимназия после обеда. Была амбулатория, переплётная мастерская, курсы «сестёр самаритянок», после которых девушки могли работать в немецких госпиталях. Знаменитые профессора читали лекции. Словом, эта гимназия и весь «Милосердный Самарянин» были нашим вторым домом и мы, если надо было, приходили раньше, уходили позже, и как бы жили его жизнью. Питание по немецким карточкам было скудное и о. Александр выхлопотал нам обеды, которыми нас кормили до начала занятий.

Наш класс был очень разношерстный. Был молодой человек - лётчик во время войны. Был полу-поляк (мы так и называли его, «пан»), который по утрам служил охранником в польском лагере, а после обеда садился с нами за парту. Был беспризорник. Но все мы

были дружны, а главное, - благодарны Богу за то, что нам было дано. В других городах тоже были русские гимназии – в Парше, Шлейсхейме и т. д. Но наш «Милосердный Самарянин» был не просто гимназией, это был общий дом, где каждый был принят как свой, русский.

Организовались скауты, и летом, в баварском лесу, недалеко от городка Гантинг, был устроен разведческий лагерь. Палатки были американские, военные, а у меня (наверное и у других) был спальный мешок с заячьим мехом внутри. Ночи в лесу свежие и это было приятно. Я никогда не забуду экскурсию с нашим директором П. Д. Ильинским. Выехали мы на два дня. Ночевали в каком-то литовском или латышском лагере. Сколько мы за эти два дня повидали! Озеро Chiemsee с двумя островами: на одном замок – копия Версала, на другом монастырь. Были мы около Berchtesgaden и спускались в соляные копи, приспособленные для экскурсий. Были на Kopigsee, чудесном озере, и ещё в разных баварских замках; всё это с объяснениями Ильинского – историка и искусствоведа.

Какую надо иметь любовь к детям,

чтобы в таких трудных послевоенных условиях, в полуразрушенной Германии, стараться передать нам все свои знания, воспитание, а главное – русскость, которой был проникнут наш «Милосердный Самарянин».

Преподавание в гимназии велось очень серьёзно, несмотря на то, что книг у нас почти не было. Наши преподаватели жили очень скромно, в тяжелых условиях, но старались чтобы мы этого не чувствовали и учились бы как в нормальной гимназии. Нам преподавалась даже латынь, ну и уж конечно немецкий язык. Все предметы велись на русском.

К сожалению, мне пришлось рано уехать в другой город и продолжать образование в немецкой гимназии. Но основанное отцом А. Киселевым учебное заведение я никогда не забуду. Я глубоко уважаю память покойного о. Александра, его достойной помощницы матушки Калисты, П. Д. Ильинского и всех, всех наших преподавателей, бывших вместе с нами в таких тяжелых послевоенных условиях. Да упокоит Господь Бог их праведные души.

Т. А. Плищенко (ур. Дуброва)

Я БЫЛ ДИСТРОФИКОМ...

Я не смотрю ни фотографий, ни видеоматериалов об уничтожении продуктов по приказу Путина. Просто физически не могу видеть это. Я родился в воскресенье. Мне было ровно две недели, когда 22 июня 1941 года Германия напала на СССР. Примерно в июле в Ленинград, где мы жили, приехал мой дедушка по отцу, Александр Николаевич. Он прятался где-то на северах, поскольку его родной брат Всеволод был расстрелян 28 июля 1938 г. (ст. ст. 58-6, 58-11).

Дед приехал, отдал маме довольно крупную сумму денег, велел пойти в магазины и купить все, что может долго храниться: крупы, сухари и т. п. «Будет голод, Таня, - сказал дед, - сходи и купи, пока не поздно». Дед окончил Восточный факультет Петербургского университета, знал китайский, корейский и маньчжурский языки. Он пережил Великую войну, переворот 1917 года и гражданскую войну. Он знал, о чем говорит. В сентябре немцы были под Ленинградом. Я не знаю, почему наша семья из шести человек осталась в блокированном городе. Отец имел бронь, как инженер военного завода, который, правда, вскоре эвакуировался, у него была язва желудка, и на фронт он не попал.

Он продолжал ходить на работу. Пока не слег. Возможно, что мама просто испугалась ехать неизвестно куда с грудным ребенком. Впрочем, молоко у мамы кончилось, когда мне еще не было и пяти месяцев. Однако сделанные мамой «запасы» позволили нам протянуть до февраля 42-го. К продуктам имела доступ только мама.

Постепенно я становился дистрофиком. Мы медленно, но верно погибали. Я помню рассказ мамы о том, как папа, когда еда (крупка) осталась только для меня, взял топор и, видимо с уже помутившимся от голода разумом, пошёл отрубить часть тела от лежавшей недалеко от дома мёртвой женщины. И – не смог этого сделать.

Мы жили в деревянном доме совсем близко от Смольного, в бункере которого прятался со своими апельсинами и шоколадом толстый Жданов. Сейчас документально установлено, что ни один партийный деятель, начиная с урванного инструктора райкома, не умер от голода во время блокады. Ни один. Их время от времени вывозили из города подкармливать. Сохранилось меню обеда с вином в такой «санатории».

В это же время действовал приказ Г. К. Жукова открывать огонь по всем, кто, «надеясь сдать врагу», пытается выбраться из осажденного города. Немцы действовали точно так же.

Да, я считаю блокаду Ленинграда преступлением большевизмского режима. Это они убивали нас, а не только бомбы и снаряды.

В феврале дед, бабушка, отец и его младший брат уже лежали, не поднимаясь. На ногах оставалась только мама. Дед, Александр Николаевич, умер от голода 8 марта 1942 г. Это жуткая смерть. Ему было 57 лет. Папа и его младший брат положили тело отца (наверное совсем легкое), завернутое в простыни, на санки, привязали и повезли через Неву на Георгиевское кладбище. Оставили там, т. к. братская могила еще не была готова. Котлован под могилу готовили взрывчаткой – стояли страшные морозы.

Нашу семью спасла мамина сестра, Нина, пришедшая к нам с буханкой хлеба. Она работала в городе на разборке разрушенных бомбами и снарядами домов и имела «рабочую», а не «иждивенческую» карточку на хлеб. Она и мамин брат, дядя Саша, флотский музыкант, спасли всех нас – и меня в том числе – от голодной смерти.

В июле 1942 г. нас эвакуировали

на барже через Ладожское озеро. Караван бомбили. У меня сохранились эвакуационные документы, на которых стоят фиолетовые штампы о том, что хлеб получен. В поезде, увозившем нас в далекий Оренбург (тогда Чкалов), я впервые поднялся на ноги, держась за раму окна. Так что я точно знаю, что такое голод.

В семье бабушки моей жены от голода умерли подряд шестеро детей. Чудом выжило двое последних, 1926 и 1928 годов рождения. И это на Кубани, бывшей до революции богатейшей областью России.

Мы вернулись в Ленинград в 1946 году. В январе родился мой младший брат. Он был сотворен счастливыми родителями в победном мае 1945-го. Я немного помню учебу в первых классах школы. Наша учительница Тамара Степановна жила в комнате при классе. Во время занятий она что-то там готовила на керосинке и запах пищи шел в класс. У меня ощущение, что я и сейчас помню эти запахи щей и супа и слышу потрескивание масла на сковородке.

На летние каникулы мы с мамой уезжали на Псковщину. Я там немного работал подпаском и уже хорошо помню эти страшные деревни. Мое спасение было в молоке. Я помню ломоть черного хлеба, на котором лежал тощий шмат сала. Ломоть разрезался на маленькие кубики-кусочки, из коих выстраивалась шеренга, похожая на солдатскую, и мы с хозяйским сыном медленно, строго по-очередки, поедали эти кубики.

В Ленинграде я стоял в очередях за керосином. Стоял в многодневных очередях за сливочным и за подсолнечным маслом, за яйцами, за мукой и за сахаром, которые выдавались (то есть, конечно, продавались) жителям в каком-то количестве перед "великими праздниками" 7 ноября и 1 мая, и еще перед новым годом, на каждого члена семьи, обязанного присутствовать в этот момент живьем перед окном выдачи. Инвалидов приносили на руках. На занятиях в школе в эти дни «великого стояния» оставались только самые младшие.

Я навсегда научился запоминать тех, кто стоит в очереди передо мной, и того, кто занимает за мной.

В начале 1990-х я снова занимал очередь за хлебом и вызывал в нужный момент всю семью, т. к. «давали» по буханке и батону на голову со ртом. Я с 5 утра занимал очередь за молоком (1 литр на один детский рот, вписанный в паспорт), когда рос младший сын.

Так что я знаю цену еде.

У меня нет ненависти к тем, кто придумал акции по уничтожению продуктов, к тому, кто подписал указ, равно как и к тем, кто рьяно бросился исполнять этот указ. Я просто не считаю их за людей. Для меня этих людей нет среди живых.

Да, я считаю нынешний режим в России преступным. Это агония. Мертвые хватают живых.

В Петербурге в ответ на «карательные акции» несколько десятков человек (в основном пожилые блокадники) выстроились на Невском проспекте в одиночных пикетах редкой цепочкой, похожей на шеренгу кубиков хлеба с салом из моего детства. Полиции были к ним милостивы.

Однако страна, – моя жалкая, униженная Россия, – страна, жители которой рискнули всего лишь собирать подписи под петицией к президенту с просьбой (!!!) отменить варварский указ, эта страна, наверное, и не заслуживает иной участи. Но это – моя родина.

Михаил Ордовский-Танаевский
Санкт-Петербург, август 2015 г.

НОВИОПЫ И СОВКИ

Недавно в Москве вышел новый труд профессора И. А. Есаулова «Постсоветские мифологии: структуры повседневности» (Академика, 2015).

В книге показано, как именно структуры повседневности постсоветского большинства определяются теми или иными мифологиями. В первой части книги форматирование постсоветского дискурса рассматривается сквозь призму различных «относительных» мифологий, агрессивно претендующих, однако, на универсальность. Во второй части представлены как противостоящая этим мифологиям аксиология многовековой русской культуры, так и современные тенденции ее размывания и трансформации. Ряд аспектов соотношения русского, советского и постсоветского, анализируемые в этой книге, никогда не становились предметом научного описания и общественной дискуссии. Приводим отрывок из предисловия.

Мифологии как таковые, разумеется, описывались и до меня, как в общетеоретическом, так и в историческом аспектах. Вспомним хотя бы о лосевской «Диалектике мифа» и бартовских «Мифологиях». Продемонстрировав «относительность» современного им мифа (мифов), Лосев и, спустя три десятилетия, Барт, попытались освободиться от их господства.

Однако это «освобождение» происходило кардинально различно. У Барта – посредством релятивистского «дрейфования», не случайно завершившегося постструктуралистской относительностью всех «ценностей» (впрочем, в христианском контексте понимания этот «дрейф» имеет вполне определенное именование, в чем, думается, Барт отдал себе полный отчет: отсюда и его вполне открытая фраза о «легионе»). У Лосева – едва-едва завуалированным (иногда в словесных формах, наследующих православной традиции юродства) утверждением абсолютного мифа, т.е. – для него – византийско-московского православия – взамен отвергаемых относительных мифологий.

Общество также по-разному оценило усилия авторов. «Правому» А. Ф. Лосеву, прозревшему «сатанизм» в практике советского государства, дали «десяточку», чтобы его повседневность уже вполне совпала с повседневностью других строителей Беломорканала, ну а Р. Барту, с «левых» позиций вскрывавшему современные ему буржуазные «мифы», со временем доверили открыть специальную кафедру литературной семиологии в Париже.

Почему я написал «общество», не сводя оценку лосевского труда к государственному карательным органам и, тем более, к вселенскому злодею Сталину, на которого (как, впрочем, и на гадкую русскую историю, а еще и на реакционный русский народ, неправильно строивший светлое будущее) прогрессивная большевизмская «общественность» с удовольствием навесила все собственные грехи, всячески уклоняясь от разграничения творцов-«авторов» советского «проекта» и его жертв? Потому что уже в постсоветское время в наиболее влиятельной в начале 1990-х годов «либеральной» и «демократической» газете «Сегодня» новая «ревтройка» - Д. Шушарин, К. Поливанов и Л. Кацис - обрушилась с площадной руганью на Лосева и ту же самую лосевскую книгу, подтвердив преемственность большевизмской и «либеральной» мифологии, во всяком случае, в России.

Между прочим, то обвинение, которое авторы газеты «Сегодня» – уже в

первое постсоветское десятилетие – старались впаять Лосеву, сожалея, что ему мало дали, в его время каралось расстрелом. Да что говорить об этих «внуках Ильича», ведь не какие-то «внуки», но и излюбленные не только «нашими», но и западными прогрессистами деятели ОПОЯЗа Шкловский, Тынников и Эйхенбаум также любили – в шутку, разумеется, – называть себя «ревтройкой». Славная шутка во время массовых расстрелов.

Времена изменились. И нынешний директор Левада-Центра Л. Д. Гудков, отправляя такой же большевицкий по духу донос на меня моему тогдашнему начальству в РГГУ под видом уникальной по своей безразмерности рецензии на мою книгу в «Новом литературном обозрении» (через три года после публикации «Соборности...», когда её уже невозможно было «замолчать») и заботливо указывая место моей работы, всего лишь только удивляется, что я еще числюсь там. Старания социолога Льва Гудкова, впрочем, не вполне пропали даром: где нужно и кто нужен сигнал все-таки услышали.

Однако мотивировкой, говоря опоязовским сленгом, в моем случае было «неправильное понимание» Бахтина. Здесь надлежит поставить веселый смайлик: залихватистый смех известного бахтиниста В. Л. Махлина, когда я сообщил ему о мотивировке, помню до сих пор.

Желая показать постсоветские структуры повседневности, мне было бы крайне опростетчиво хотя бы в какой-то мере надеяться на то, что удастся занять при этом некую «позицию внаходимости» по отношению к этим структурам ради вполне «объективистского» их описания: для современника, находящегося «внутри» исторического процесса, такого рода претензия заведомо невыполнима.

Однако же, поскольку так сложилось, что я не принадлежу ни к одному из сколько-нибудь влиятельных постсоветских общественно-политических кланов (последние организованные движения, которым я бы мог вполне сочувствовать, успешно ликвидированы на территории нашей страны еще в начале 20-х годов XX века), то, может быть, эти очерки все-таки будут достаточно «объективными», насколько объективность вообще возможна в области гуманитарных ценностей.

Та тотальная диктатура правящего меньшинства, которая, прикрываясь вполне мифическими «рабочими» и «крестьянами» (см. очерк «Литература троцкистского периода» в этой книге), утвердилась в СССР после сокрушения Исторической России, мимикрируя, оказывает и сегодня сильнейшее, если не сказать определяющее, воздействие на жизнь постсоветского социума, проявляясь и в нынешней «культурной политике».

В книге часто используется термин «новиопы». Это неологизм Д. Галковского, от «новой исторической общности людей – советского народа».

Принципиально важным является в данном случае неопределенность собственно этнического компонента. Как замечательно в свое время сформулировал советский поэт Кульчицкий, «только советская нация будет и только советской расы люди».

Новиопы и есть «советской расы люди». Когда типичный новиоп утверждается, например, что в нём, мол, «всего понамышано», то это замечательный маркер новиопства, «понамышано» «всего» в данном случае в новиопской голове, ибо русская культура (в отличие от некоторых других) не зачищена на «чистоте крови». Русская

культура совершенно не знает особых терминов (присущих некоторым другим культурам), которые отдельно обозначают «удельный процент» предполагаемой национальной «крови»: 1/2, 1/4 и так далее. Как известно, «русский – это православный», конфессиональное самоопределение всегда в исторической России было важнее собственно этнического; так, целый ряд наших святых (например, юродивых), прославленных Русской Православной Церковью, вообще не были этническими русскими. И это никого из православных русских никогда не смущало. Да и сегодня быть русским – это означает быть сопричастным фундаментальным культурным ценностям исторической России.

В отличие же от Галковского, я принципиально различаю новиопов и «совков». Последние – как и «хomo советикус» – являются продуктом иронического «творчества» новиопов.

Собственно говоря, эти люди, которых новиопы любят, отличая от себя, называть «совками» – настоящие жертвы почти векового новиопского «форматирования» их сознания.

Более всего новиопы опасаются, что «совки» вспомнят, наконец, о своих исторических корнях, а также призвуют к ответу тех, кто проводил весьма филигранную – и, прямо скажем, подлую «работу» с сознанием их отцов и матерей. В сущности, это «манкурты», употребляя еще один неологизм – советского писателя Чингиза Айтматова. Когда, например, шукшинский Алеша Бесконвойный («Бесконвойный», потому что «выпрягался», не желал быть рабочей скотинкой все дни недели – всю свою жизнь) бормочет в бане в качестве своего рода священнодействия слова пошлой новиопской песенки «Хабибу догону», пытаюсь понять, кто же он такой и в чём смысл его жизни, он, конечно, не осознает, что эта вбитая в его голову по «советскому радио» песенка и призвана была заместить в его сознании слова православной молитвы, которые хорошо знали его предки, прошлые поколения русских людей; равно как и пресловутая «суббота» – с «баней» – успешно заместила Воскресение – и стояние на службе в храме. Он, конечно, говоря по-новиопски, «совок», но все-таки «совок» с не до конца ампутированными мозгами, отсюда ироническое именование «этот преподобный Алеша», которое на новиопском жаргоне русского языка выворачивает наизнанку и иронически интонирует высокий исходный православный смысл слова «преподобный»; отсюда и «странности» героя (для других – более успешно осовеченных, нежели он, односельчан, для которых уже то, что от новиопского конвоя Алеша освобождается хотя бы раз в неделю само по себе подозрительно); отсюда и его «бунт». Как, впрочем, и бунт попытавшегося вырваться от пут навязанной ему «чужой» жизни, но так и не вырвавшегося Василия Шукшина.

В самой сжатой формуле те формы личного (но одновременно и публичного) поведения, которые представлены на моем портале и отчасти вошли в эту книгу, могут быть определены как христианское сопротивление этой насаждаемой (с большевических десятилетий) «культурной политике».

Здесь, по-видимому, нужно кое-что прояснить. Советские диссиденты 70-х годов, за редкими, очень редкими исключениями, были настроены не только антисоветски, но и антирусски

(чего решительно нельзя сказать ни о Первой эмиграции, ни о Второй). И даже те из них, кто вошел – в качестве «протестного акта» – в лоно Русской Православной Церкви, рассматривали этот шаг как своего рода вызов истории. Не советской, но, гораздо чаще, именно русской истории. Отсюда странная, на первый взгляд, мешанина из декларируемых христианских позиций и стремления к радикальной ревизии не советских установок в целом (здесь, напротив, тщательно отделяется «плохое» сталинское от «хорошего» интернационального ленинского), но к ревизии именно русской истории как таковой; в том числе, и ревизии истории Русской Церкви. Речь идет в данном случае не о критике тех или иных недостатков исторической Церкви, будь то преследования старообрядцев или сервиллизм перед советской властью в годы гонений на христиан в СССР. Имеется в виду кардинальный пересмотр, суть которого лучше всего с бесхитростной простотой выразил вовсе не церковный диссидент, а потомственный советский пропагандист, ныне весьма преуспевающий в РФ телеведущий Вл. Познер: скверно уже то, что русские в свое время приняли именно Православие.

Так что мое христианское сопротивление, выразившееся, в частности, в акцентировании христианского подтекста русской словесности, но не только в этом, не имеет ничего общего с такого рода советской – по своему происхождению – диссидентурой. Это неприятие новых brutальных нападков на Церковь, едва-едва оправляющуюся от практически полного искоренения христианской веры в России, вызывающих в памяти у тех, кто хотя бы немного интересовался отечественной историей, жуткие советские 20-е годы (впрочем, для некоторых эти годы гонений на христиан в СССР – «лучшее», что только и было в «русской» истории: такого рода мифологии тоже рассматриваются в этой книге). Это неприятие не только того, что происходит «дома», в РФ, но и той «дехристианизации», что совершается на христианском по своему происхождению Западе.

Последним по времени актом христианского сопротивления близким мне по духу – при всей очевидной наивности с позиции сегодняшнего дня их программных установок – являлось создание «русскими мальчиками» ВСХСОН (см. очерк «Памяти Леонида Бородина и Союза освобождения народа»), ряд участников которого (такие, как Евг. Вагин) до сих пор не реабилитированы даже посмертно – в отличие от *невинно* пострадавших «пламенных революционеров».

Навязываемые ныне русскому большинству структуры повседневности являются очередной попыткой насильственного реформирования сознания этого большинства, а также его глубинного культурного бессознательного – в том направлении, которое прямо противоположно доминантному вектору исторического развития России. Необязательно быть непременно «русским националистом», достаточно чувствовать собственную причастность «большому времени» русской истории, не сводимому к советским, а тем более постсоветским десятилетиям, чтобы понимать это.

Мне очень бы хотелось думать, что эта книга будет хотя и весьма скромным, но вкладом в тот чаемый вектор пути

от РФи (РСФСР, СССР) к подлинной России, которая у меня, как и у большинства населения нашей страны, была в свое время умело отобрана.

Не будучи солидарен с А. И. Солженицыным в его некоторых оценках русской истории и отечественных исторических деятелей, я разделяю его вывод о XX веке как о времени русско-го поражения. Александр Исаевич был прав и в том, что влиятельным силам по инерции, заданной «советским интернационализмом», до сих пор доминирующим во многих сферах жизни РФ (осколка СССР), от научных до культурных, весьма удобно (для себя) лукаво называть «националистами» патриотов умирающей родины.

При этом саму доктрину русского национализма по целой совокупности причин я категорически не принимаю, о чем неоднократно публично заявлял. Русский народ, главная жертва XX века из европейских больших наций, был разделен на десятки частей в результате поражения от мирового Интернационала в так называемой «гражданской» войне, разрублен искусственными большевическими границами. Это расчленение, невзирая на безуспешные попытки Первой русской эмиграции «раскрыть глаза» западному общественному мнению, было с полным одобрением воспринято «прогрессивной общественностью» всего западного мира (как ею же с восторгом была встречена и «великая» октябрьская «революция», уж не говоря о последующих за нею кровавых большевических экспериментах).

Русский же народ все последующие за ленинско-троцкистским переворотом десятилетия был принужден жить чужой жизнью (от морального растаптывания, когда русских детей вынуждали штудировать в советских школах русофобскую статью В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов» и подобный ей агитпроп, до тотальной дискриминации остатков русской национальной элиты и прямого физического истребления тех кругов, в которых сохранялось живое национальное самосознание).

В результате этой проживаемой народом чужой жизни его приучали считать свои поражения «великими победами» (а также «праздновать» их!). И наоборот.

Сразу после падения коммунизма в Советском Союзе создалась ситуация, благоприятствующая тому, чтобы отказать от этого навязанного нашей стране тупикового пути, губительного, прежде всего, именно для русского народа и, учитывая трагический опыт XX века, восстановить обломанные целыми поколениями советских пропагандистов фундаментальные ценности отечественной истории и культуры. Казалось бы, самоочевидно, что, например, новомученики Русской Православной Церкви должны стать – не только в ограде церковных стен, но и в культурном сознании нации – теми, на чьем примере русские школьники и студенты должны учиться духовной стойкости и мужеству, а их палачи публично названы таковыми. Однако не какают «власть», «персоналии», а широкий круг «советской общественности», в том числе «деятели литературы и искусства», те, кто десятилетиями имел – за счет 9/10 населения СССР – номенклатурные наследственные привилегии, но затем не постеснялся создать миф о своей мнимой «опозиционности» (большей или меньшей) родной советской власти,

всё сделали, чтобы не допустить этого. Потому что и нынешние совпатриоты, и те, кто самоназвались «либералами», вышли из одной большевической шинели. Не понимать этого – означает не понимать самого главного в особенностях постсоветской «культурной» и «общественной» жизни.

В книге сделан акцент на демонстрации исторического родства, общего «культурного бессознательного» номенклатурных совпатриотов и номенклатурных же «совлибералов», заинтересованных, в сущности, в одном и том же: чтобы любой ценой сохранились те структуры повседневности, в которых массовое сознание подвергается формовке разыгрываемым на протяжении десятилетий спектаклем под условным названием «сванидзе против кургиняна». Чтобы большинство продолжало и дальше воспринимать эту игру в две руки на одном инструменте, настроенном на исполнение одних и тех же партий еще в большевические 20-е годы, не как инсценировку «общественной жизни», не как форматирование повседневности большинства по чуждым ему (а также исторической России) правилам игры, имитирующей «политику», но не являющейся ею, не как репрезентацию двух весьма близких в своей сути, но в равной мере маргинальных для России мифологий, а как такую повседневность, к которой русское большинство, да и другие народы нашей страны обязаны относиться вполне всерьез, воспринимая ее повседневность не как навязанную себе, хотя и вполне чужую для себя, а как свою.

В этом навязывании чужой – маргинальной для большинства – жизни, в искусственном конструировании таких структур повседневности, которые предполагают лишь фиктивный выбор между двумя в равной мере враждебными русскому большинству вариантами («Троцкий или Сталин»), в особом форматировании жизни большинства населения страны – и страхе, что народ (уж позвольте использовать «устаревшее» и почти табуированное слово), наконец, разберется что для него является чужим, а что – подлинно своим, отвергнув обе предлагаемые ему партии, постсоветские мифологии и обнаруживают свое родство большевическим установкам на насильственное «изменение» сознания большинства. Когда, например, нельзя было – под угрозой получения «срока» – выключить радиоточку, из которой, в числе прочего, весь световой день звучали сочиненные «нашими композиторами» и «нашими поэтами» «наши советские песни».

Дабы туземное население вместо того, чтобы продолжать самим петь свои собственные народные песни, суть которых прекрасно раскрыл отец Павел Флоренский, становилась пассивными слушателями, затем производящими уже совсем другие по духу и мелодике сконструированные тексты. Крайне показательно, что не только в отечественных, но и в западных *медиа* – при всем «плюрализме» мнений – практически никогда не обсуждается эта проблема.

Надеюсь, что публикация моей книги «Постсоветских мифологий: структуры повседневности» способствует тому, что эта табуированность будет снята.

Проф. И. А. Есаулов